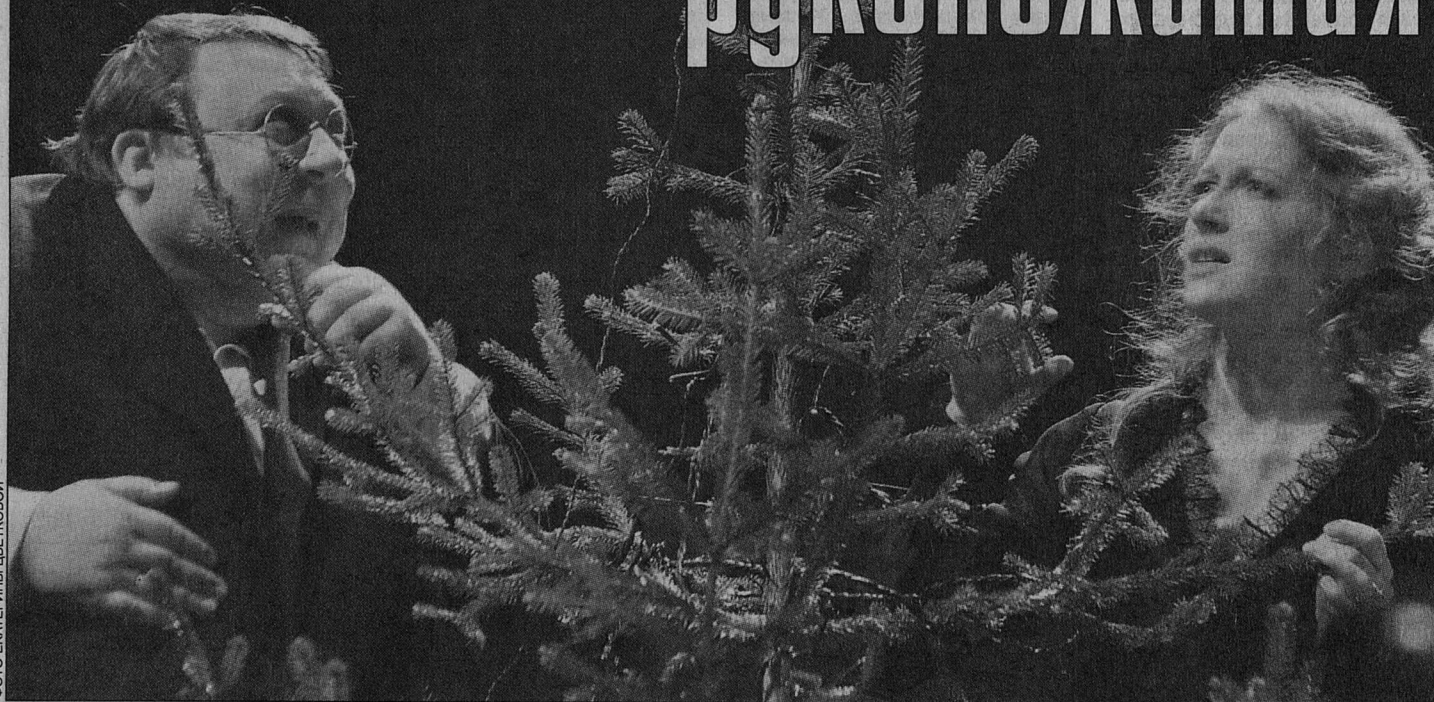

Вел. Москва - 2004 - 5 апр - 06.

Булгаков на расстоянии рукопожатия

Лариосик (Александр Семчев) тайно и трепетно влюблен в Елену (Наталья Рогожкина)

■ Петр КУЗЬМЕНКО

Странное дело, Чехов, его время кажутся такими далекими, а до Булгакова — совсем близко. При этом между постановками чеховских пьес во МХАТе и премьерой «Дней Турбиных» всего каких-то двадцать лет, но между ними пролегла российская катастрофа — Октябрьская революция, разделившая нашу страну на две эпохи.

Как раз об этом размежевании жизни на «до» и «после» — булгаковские «Дни Турбиных». Но сам автор от нас на расстоянии одного рукопожатия. Мой учитель, руководитель курса — великий театровед Павел Александрович Марков был именно тем человеком, который принес во МХАТ роман «Белая гвардия», привел в театр Михаила Булгакова, работал с ним над созданием по этому роману пьесы «Дни Турбиных».

(Хвастаюсь. Но это правда.) В ироничном булгаковском «Театральном романе», посвященном взаимоотношениям писателя со МХАТом, Павел Марков выведен в образе Миши Панина. Да и с участником первой постановки «Дней Турбиных» — исполнителем роли Шервинского Марком Прудкиным много общался, делал с ним на Всесоюзном радио передачу о «Днях Турбиных», о втором мхатовском поколении — Тарасовой, Яншине, Прудкине, Станицыне, Топоркове, Добронравове, заявившими о себе этим спектаклем. Наизусть помню единственную сохранившуюся радиозапись сцены Шервинского и Елены Тальберг в исполнении Прудкина и Аллы Тарасовой (Тарасова премьеру не играла, но довольно скоро ввелась в спектакль, сменив Веру Соколову). В дуэтной сцене «у рояля»

Елена пьянеет, ее голос становится все более и более обольстительным, переливчатым, смех звучит нервным колокольчиком, а ухаживания Шервинского принимают все более атакующий характер...

Говорю об этом потому, что еще найдется немало таких людей, как я, которые ревниво относятся к новой постановке «Дней Турбиных» во МХАТе, которые напрягут память и знания и будут толдычить его создателям про их упущения и отступления. Скажу сразу, у Елены Натальи Рогожкиной в сцене «у рояля» почти нет обольстительности Тарасовой, она играет нежнее, мягче, она наивнее и менее расчетлива в своем влечении к Шервинскому. И Шервинский Никиты Зверева другой, не такой стремительно-страстный, как Прудкин, в нем больше мальчишества, бравады. И при этом, почти как зри-

тель первой постановки, я готов изречь: новый спектакль «Дни Турбиных», поставленный Сергеем Женовачем, отвечает и булгаковскому духу, и духу мхатовских традиций.

Женовачу удалось, пригласив на главные роли актеров, ставших популярными благодаря сериалам (Константина Хабенского на роль Алексея Турбина, Михаила Пореченкова на роль Мышлаевского, Александра Семчева на Лариосика и Наталью Рогожкину на Елену Тальберг), вернуть их обтершимся о телеэкран лицам подлинность, превратить их в интеллигентов и офицеров начала прошлого века. Кстати, на этом спектакле явно ощущаешь, как проросла из Чехова булгаковская драматургия. Эти Алексей Турбин, Николка, Мышлаевский, Шервинский могли служить в одном гарнизоне с офицерами из «Трех сестер», Елена Тальберг

О ПРЕМЬЕРА ВО МХАТЕ, КОТОРАЯ НА АФИШАХ И БИЛЕТАХ НАЗВАНА «ДНИ ТУРБИНЫХ», А НА ПРОГРАММКАХ «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»

могла быть Машей из этой же чеховской пьесы. Здесь даже свой Фирс из чеховского «Вишневого сада» есть — гимназический сторож Максим (Виктор Сергачев). Алексея Турбина Хабенский играет жестко, сдержанно, он человек логики и поступков. Пореченков к явной внутренней и внешней силе, осязаемой в каждом шаге и жесте его Мышлаевского, добавляет игру в эдакого простака, рубаху-парня. Но при разнице характеров и они, и Николка, и Шервинский, и другие офицеры белой гвардии — люди чести, высокого достоинства, уходящая натура уходящей эпохи. Возможно, и стоило бы поговорить о каждом из исполнителей спектакля подробно, но главная ценность как самой этой постановки, так и режиссуры Сергея Женовача — ансамблевость, почти симфоническое звучание — в актерских интонациях, мизансценах, световых акцентах, музыке. Женовач режиссер редкого таланта, оставаясь в рамках реалистического, психологического театра, он не архаичен, а осязаемо, на каком-то чувственном, глубинном эмоциональном уровне современен. Строя актерский ансамбль по мхатовскому принципу — «ниточка-петелька», он настойчиво и властно погружает зрителя в жизнь героев спектакля, в их переживания, в круговорот сценических событий. При том, что трудно выделить из общего ансамбля кого-либо из исполнителей, стоит отдельно сказать об Александре Семчеве в роли Лариосика. Роль у него такая, бенефисная. Признаюсь, до спектакля был уверен, что его рекламное «пиво пил» не оставит меня никогда. Оставило. Играет он удивительно тонко, умно. Умно, хотя бы потому, что он

не играет молодость персонажа, забавность подростка (а это делают все исполнители роли), он играет характер Лариосика: трогательную незащищенность, доброту, нелепость по наивности, открытости. Вообще в этом спектакле важны и очень значимы искренность, человеческая чистота героев, их порядочность. Строгость и достоинство — камертон и к смыслу, и к образу спектакля.

Этот образ реально воплощен в прекрасных аскетичных, по-военному жестких декорациях Александра Боровского и костюмах Оксаны Ярмолюк. Вздернутый металлический помост с уличными фонарями — платформа вокзала, которая заставляет вспомнить Владимирский спуск в Киеве, где жил Булгаков, где за кремовыми шторами он поселил героев «Белой гвардии» и «Дней Турбиных», по которому бежал раненый Николка... Среди металла оград и фонарных столбов — гимназическая парта, красивый абажур, ниже в углу — предметы быта Турбиных: рояль, шкафчики, коробычки, кровать. Все готово сорваться с места и двинуться в путь, в другую жизнь и эпоху.

Вокзал, железо. Начало обрушения той жизни, где Лариосик еще пытается вместо тоста произнести чеховский монолог про небо в алмазах. Но в спектакле нет надрыва. Трагедия на пороге, но эти люди не суетны, чисты и светлы, их помыслы ясны — они жили и будут жить согласно совести и чести, которую они не станут обременять ни предательствами, ни грязью...

Только почему-то на ум приходит «белогвардейское» ахматовское: «И больше нет свидетелей событий, и не с кем плакать, не с кем вспоминать...»